

© С.С. Алымов, Т.А. Листова

«Попробовать понять человека не с материалистической точки зрения мне кажется важным». Интервью с Т.А. Листовой

Ключевые слова: история этнографии, этнография русских, этническая идентичность, русско-украинское пограничье, духовная культура русских

Интервью С.С. Алымова с этнографом Т.А. Листовой посвящено как биографии исследователя, так и ее взглядам на этнографию русских и развитие этой науки с 1970-х гг. до настоящего времени. В первой части Листова рассказывает о своей семье, детстве и образовании. Далее она останавливается на изучении ею семейной обрядности, работе сектора восточных славян/русского народа ИЭА РАН, проблематике исследований сектора и его ключевых специалистов. Заключительная часть посвящена изучению населения русско-украинского пограничья, его этнической идентичности, а также задач изучения представлений о человеке в этнической культуре русских.

Листова Татьяна Александровна – старший научный сотрудник ИЭА РАН. listova.ta@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-2189-933X>.

Алымов Сергей Сергеевич – старший научный сотрудник ИЭА РАН alymovs@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9988-9556>.

Для цитирования: С.С. Алымов, Т.А. Листова. «Попробовать понять человека не с материалистической точки зрения мне кажется важным». Интервью с Т.А. Листовой // *Антропологии/Anthropologies*. 2023. № 1. С. 211-233, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-1/211-233>

Публикация выполнена при поддержке РНФ (проект № 22–18–00241); организация, осуществляющая финансирование – Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН).

С.А.: Татьяна Александровна, расскажите, пожалуйста, о ваших предках и семье.

Т.Л.: Дедушка по маминой линии — Гермоген Дормидонтович — был из дворянской семьи, но произошла революция, в результате он даже высшего образования не получил. Он был прекрасный музыкант, руководил церковным хором. Во времена голода их семью занесло в известный теперь город Краматорск, там и остались жить. По другой родственной линии со стороны мамы предки были из крепостных, но один из прадедушек был крепостной садовник, обучался этой специальности в Англии. Вот такие были крепостные. Какая-то тяга к получению образования в семье была, потому что уже следующее поколение — все учились в гимназии. Прабабушка построила два каменных домика в Харькове, она прекрасно пекла и торговала выпечкой, в общем, была деловая женщина. Но снова революция все уничтожила.

По папиной линии когда-то давным-давно вроде все были крестьяне, которых уже в XIX веке отправляли учиться. А дальше пошла самая обычная служащая интеллигенция. Жили они в городе Пензе. Папа мой в 1930-х гг. окончил школу и поехал поступать в институт, но его не взяли из-за социального происхождения. Дело в том, что дедушка был следователем по особо важным делам, а у властей эта должность сразу ассоциировалась с политическими процессами. Тогда бабушка решительно написала М.И. Калинину, объяснив ситуацию, то есть пояснила, что «особо важные дела» — это уголовные дела, а не политические, и пришел ответ: «принять». В те времена, отправляя такие письма, можно было получить совершенно непредсказуемый ответ, но в нашем случае все получилось хорошо. Вскоре папа приехал в Москву поступать в МИИТ¹. И вот там они встретились с мамой. Маму можно считать примером молодежи тех лет: у нее в своем городе Краматорске была мечта — поступить в МИИТ и строить метро в Москве. Я бы не сказала, что она была передовой комсомолкой, но какая-то вера в светлое будущее все-таки присутствовала. Потом они, молодежь, конечно, столкнулись... Когда «Дети Арбата»² вышли, я помню маме принесла и сказала: «Это же про ваш институт все написано?!». Мама не захотела читать, сказала, что знали, что там творится, но все равно жизнь шла, все равно надо было строить — и страну, и свою жизнь.

С папиной стороны, по родне пензенской, чередой шли священники. Моя прабабушка преподавала историю в епархиальном училище. Бабушка, кажется, в Юрьеве [Тарту] училась в университете, потому что после событий 1905 года девушкам запретили поступать в высшие учебные заведения России³. Прапрадед о. Авраамий Смирнов преподавал в пензенской семинарии, а великий историк В.О. Ключевский как раз там учился и, по его воспоминаниям, он с моим прапрадедом очень не ладил. Ключевский писал, что самое главное, о чем твердил все время прапрадед, — это догматика, чего Ключевский никак не мог принять. В результате, по-моему, Ключевский даже

¹ Московский институт инженеров транспорта, ныне — Российский университет транспорта (РУТ).

² Роман советского писателя А.Н. Рыбакова о судьбе молодого поколения 1930-х годов.

³ Получение женщинами университетского образования в России было чрезвычайно затруднено и до революции 1905 года. Исключения составляли университеты в западных губерниях, имевшие «особый статус» — Ред.

не окончил семинарию. Зато стал историком! И потом писал об этом — и о семинарии, и о прапрадеде — с теплотой. Но надо сказать, осмысливая всю ситуацию, я больше на стороне прапрадеда, потому что, видимо, ни одна идеология совершенно без догматики невозможна, иначе начинается сектантство. Если уж ты пришел в семинарию, то хочешь не хочешь, либо ты принимаешь нормы идеологии, либо все учение разваливается.

**Бабушка и дедушка —
Татьяна Михайловна
и Михаил Владимирович Листовы.
1915 г.**

// Из личной коллекции Т.А. Листовой

Я иногда вспоминаю, спрашиваю себя о влиянии партии: «Мы действительно жили как-то параллельно или где-то все-таки приходилось сталкиваться?» У меня в семье так получилось, что из родни никто никогда не был партийным. Я же вступала в комсомол сознательно. Так ведь было: сначала пионерская организация, потом комсомол. Бабушка плакала, просила, чтобы я не вступала. Ее, видно, мучило чувство предательства по отношению к предкам. Сейчас в фильмах показывают, что такое комсомольское собрание, а когда я впервые пришла на такое собрание, на котором меня должны были принять в комсомол, то на всю жизнь запомнила этот тошнотворный официоз: сидят мальчишки от 16 до 20 лет и с важным видом произносят какие-то заученные фразы, таким же сверстникам делают выговоры с партийной лексикой. И вот ты смотришь на это лицемерие и вдруг понимаешь, куда ты попал. Это такая мерзость, совсем не то, чего ты хотел. Ну и на этом моя комсомольская жизнь закончилась, только взносы платила.

Папа как-то обходился без партии, хотя мог бы, будучи партийным, продвинуться по службе, конечно. А мама так и не построила метро, потому что в июне началась война, а в июле родился мой брат. Поэтому пришлось уйти в учителя математики. Маму заставляли вступить в партию, и я помню, как она плакала. Она была очень строгим математиком, но из ее классов все дети поступали в институты, она бесконечно занималась с двоечниками, считая, что каждого можно научить. Ее вызвали на собрание и сказали, что надо вступать в партию, а мама заплакала и сказала, что не пойдет. У нее очень простая была причина, она сказала: «Если я стану членом партии, то не буду иметь права ставить двойки». У члена партии ведь не могут быть двоечники в классе по определению. Мама на такое не могла пойти, даже не из идейных соображений, она не могла через свою порядочность переступить. Так что где-то на нас это давило, но как-то обходились.

А тетушка моя, Наталья Михайловна Листова, стала этнографом. Правда, она погорела на учении Н.Я. Марра⁴. В конце 1940-х годов она окончила университет и сразу пришла сюда, в Институт этнографии АН СССР, в сектор Европы. Она написала диссертацию, и диссертация вся шла «по Марру», поскольку тогда было принято «по кому-то идти». Пока она ее собиралась защищать, Марра разоблачили, и о защите уже не могло быть речи. Больше у нее даже не возникало желание никаких диссертаций писать, она просто работала здесь до конца жизни. Занималась Германией, жилищем и материальной культурой, тогда все занимались по большей части чем-то материальным.

С.А.: Что повлияло на Ваше решение стать этнографом?

Т.Л.: Поскольку дома было полно книг по истории, то уже с детства мне все это было интересно, в общем, я особо и не раздумывала, куда мне идти дальше. Хотя, конечно, как и многие, я мечтала стать археологом, но очень быстро поняла, что возиться с черепками — это не то, не для меня, гораздо интересней работать с людьми. В то время очень много было документально-художественной литературы, где описывались разные страны, народы. Мы все тогда этим увлекались. Сейчас, по-моему, это заглохло. Потом в школе меня очень возмущало, что мы бесконечно изучаем социальные и экономические проблемы, войны и так далее, но никто не видит людей за этим, то есть этнография у нас отсутствовала! Скажут только про бедное положение крестьянства, лапти и курные избы, и все на этом. В общем, все то, что называется духовной культурой, отсутствовало.

Я поступила в МГУ в 1962 г., а окончила в 1967 г. Сразу, конечно, окунулась в университетскую атмосферу. У нас Б.А. Рыбаков⁵ читал лекции. Все передавали друг другу, что он даже диссертацию написал на старославянском языке, уж не знаю, так ли это или нет, но Рыбаков производил потрясающее впечатление, было ощущение, что ты попал в высокопрофессиональное окружение. У В.М. Бахты⁶, я помню, очень интересные лекции были, он по Австралии читал. Вообще, у нас, конечно, были прекрасные преподаватели! Токарев⁷ хорошо читал. На лекциях Маркова⁸ почему-то временами засыпали. Поразительно, вроде интересно читал даже, но почему-то весь семинар под конец ужасно тянуло в сон, может его голос так действовал, не знаю. В результате я пошла заниматься эвенками. Мне казалось это очень интересным, все-таки что-то ближе — не к первобытности, конечно, но во всяком случае к чему-то более экзотическому, тем более что они живут где-то далеко на краю России.

⁴ Марр Николай Яковлевич (1865–1934) — грузинский, российский, советский востоковед и кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог, академик. После революции получил громкую известность как создатель «нового учения о языке» или «яфетической теории».

⁵ Рыбаков Борис Александрович (1908–2001) — советский и российский историк, археолог, организатор науки, исследователь славянской культуры и истории Киевской Руси. Академик РАН.

⁶ Бахта Владимир Марьянович — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры этнографии исторического факультета МГУ, с 1968 по 2006 г. работал в МГИК.

⁷ Токарев Сергей Александрович (1899–1985) — советский этнограф, историк, в 1957–1973 гг. — заведующий кафедрой этнографии исторического факультета МГУ.

⁸ Марков Геннадий Евгеньевич (1923–2018) — советский и российский этнограф и археолог, специалист по культуре кочевников Азии, истории немецкой этнографической науки, неолиту Туркменистана. Доктор исторических наук, профессор.

Мы с моей подругой, с Лопуленко⁹ (она тоже работала у нас в институте) на четвертом курсе решили, что напишем заявление на прохождение практики на Охотском море, а если решат, что слишком далеко и, соответственно, дорого, то хотя бы дадут денег на что-то ближе. Так получилось, что в то время все экспедиции большие почему-то сорвались, и нам дали денег. Так мы с ней отправились к эвенкам, две совершенно малоподготовленные к экспедиционной жизни девушки. Все было как положено, то есть по тем деньгам, которые выделялись студентам: ехали семь суток до Хабаровска в плацкартном вагоне пассажирского поезда, затем до Охотского моря долетели на каком-то кукурузнике. Неизгладимое впечатление. Ведь это были 1960-е годы, быт мало устроен, и вот ты едешь семь суток, а люди выходят куда-то с мешками, с детьми, слышишь разную речь — и ощущаешь огромную Родину. Такая страна, где ты едешь-едешь, заходишь-выходишь, разговариваешь, но бесконечно едешь, наконец приезжаешь куда-то — и там опять все тоже самое, там опять та же страна.

Когда мы стали заниматься эвенками, нас прикрепили к сотруднику из сектора Севера В. Туголукову¹⁰, который уже у них работал. Но так получилось, что мы почти его и не видели. Справлялись вдвоем, как могли, ходили в телогрейках и с тяжелыми ватными спальными мешками, ведь в сентябре на побережье холодно. Очень было интересно. К сожалению, работали нередко без переводчика, это сложно было, так как пожилые эвенки не все знали русский язык. Тогда я поняла: если ты кем-то, каким-то народом занимаешься, надо знать язык, потому что иначе у тебя ничего не выйдет. Когда я работаю в русской среде, очень люблю ездить в автобусах, там слышишь, о чем говорят люди, что их сейчас интересует и волнует. А когда ты спросил, а тебе ответили — это совершенно не то, даже если ты будешь жить в этой среде, ты не поймешь и половины. Пишут, что эвенки — рыцари тайги. Действительно, ощущение такое было, очень интересный народ.

На «оморочке» по Охотскому морю.
Хабаровский край, пос. Чумикан. 1965 г.
// Из личной коллекции Т.А. Листойой

⁹ Лопуленко Наталина Андреевна — советский и российский этнограф, специалист по этноэкологии и этнологии эскимосов.

¹⁰ Туголуков Владилен Александрович (1926–1989) — этнограф-сибиревед, специалист по истории и этнографии тунгусоязычных народов.

Я писала диплом у Льва Павловича Лашука¹¹. Он был одним из наиболее интересных преподавателей на кафедре, с творческим началом человек. Но к обучению девочек относился несколько скептически. Вместе со мной у него писали дипломы Сергей Савоскул¹² и Витя Карлов¹³, вот с ними он активно занимался. Мы ездили к нему в гости, была очень душевная обстановка. Все это было прекрасно, но он как-то не стремился научить нас элементарным вещам — как в экспедиции на Севере вести себя. Ты ведь приехал к другому совершенно народу! И вот мы прибыли в маленький райцентр Чумикан. Что там творилось, это надо было видеть. Повсюду валялись пузырьочки с надписью «Витамин D». Мы понять не могли, зачем им столько этого витамина. Нам пояснили: там во время путины действовал сухой закон, и желающие выпить употребляли этот витамин, так как он на спирту. Там столько ссыльных людей было, из тех, кого освободили, часть продолжала там же жить. Я писала бабушке с восторгом о том, что даже глава администрации — бывший заключенный. Привела, конечно, в ужас свое семейство.

У эвенков с проводником. Сахалин.
1966 г. // Из личной коллекции Т.А.
Листовой

Наверное, оттого что были молоды, было чувство, что никто нас не обидит. Там было очень интересно. Много материала собрала и, конечно, разные источники опубликованные использовала. В результате защитила диплом по этнической истории эвенков. А потом, поскольку тут [в Институте этнографии АН СССР] мест не было (по-моему, тогда в институт взяли только Савоскула одного), то я пошла работать в Художественный фонд при Союзе художников. Там требовался специалист-этнограф по народному искусству. Имелось в виду не профессионально-народное искусство, такое как Палех и Федоскино, а самое кондовое народное искусство. Для этого нужен был этнограф, а не искусствовед, чтобы он изучал, собирал вещи, которые делали народные мастера, а потом даже продавал через художественные салоны. Вот там я проработала три года. Моталась по всей средней полосе России. Застала тогда и земляные полы еще в Орловской области, и чего только, конечно, не видела. Ездила одна, транспорт — какой сумеешь найти, в основном

¹¹ Лашук Лев Павлович (1925–1990), советский этнограф, доктор исторических наук, специалист по финно-угорским народам.

¹² Савоскул Сергей Сергеевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела русского народа ИЭА РАН.

¹³ Карлов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор, преподаватель исторического факультета МГУ. Специалист по истории и этнографии народов Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока, этнокультурным процессам нового и новейшего времени.

пешком или если кто-то подвезет. Ездил и к знаменитой мастерице Масленниковой¹⁴ в Филимоново, это центр глиняных игрушек. Когда она открыла свой сундук, это был просто фейерверк! Игрушки очень яркие! Потом этот центр, увы, загубили. Но на самом деле с организацией своей работы у меня получилось плохо: привезла игрушки в художественный салон, а там сидел такой товарищ торговый, который посмотрел и сказал: «Нет, тут есть подтеки, с подтеками брать не можем!». Но народное искусство и не может быть совершенно идеальным. В итоге я ушла из Художественного фонда, вышла замуж, родила, уже другие интересы были. Потом у меня был большой перерыв, но я очень хотела устроиться работать сюда в институт.

С.А.: И вам это удалось! Не помните, в каком году это было?

Т.Л.: В Институт я пришла в 1974 году. Началось с того, что меня Людмила Николаевна Чижикина¹⁵ взяла в свою экспедицию. Я благодарна ей бесконечно. Она была необыкновенный человек, большая умница, занималась русско-украинским пограничьем. Было очень интересно с ней ездить, изучать переходные зоны, взаимоотношения между людьми. Чижикина занималась разными темами, в том числе много свадебными обрядами. Их можно разложить на фрагменты и как раз показать, где украинское, а где русское. Мы тогда все шли в науку, в интерпретациях как бы по Бромлею. Чижикина писала очень добросовестно, очень порядочно по отношению к науке. Раз украинцы указывают себя в переписи украинцами, она так и писала. При этом уже тогда подчеркивалось, что местные жители называют себя украинцами, но они давно уже отселились, от Украины отошли. Затем я поступила в аспирантуру, и меня уже и жилище, и одежда мало интересовали. Хотя я бесконечно спрашивала по этим темам в экспедиции Чижикиной, но поняла, что мне обряды интереснее. И я стала изучать семейные обряды.

С.А.: Давайте поговорим о проблематике вашей диссертации.

Т.Л.: Когда я начала писать диссертацию, то казалось, что все просто: вы набираете комплекс каких-то признаков, накладываете их на карту, сопоставляете и говорите: вот здесь кончается русская обрядовая традиция, вот здесь начинается украинская или белорусская. То есть определяете границы русских или белорусов. Но когда это контактная зона, как например белорусы и русские на белорусско-российской границе, как украинцы и русские Воронежской и Курской областей, то сделать такое разделение уже сложнее. Когда мне стали назначать тему, Кирилл Васильевич Чистов¹⁶ (очень умный человек, я хотела очень, чтобы он у меня был научным руководителем), задумался. Я хотела взять Смоленск, Псков, то есть самый Запад РСФСР. Чистов сказал: «Как мы назовем — “Русская семейная обрядность западных областей”»? Тогда вам надо доказать, что она русская, в чем специфика». Думал-думал, решил, что название диссертации будет «Семейные обряды русских западных

¹⁴ Масленникова Валентина Николаевна — потомственная мастерица из семьи филимоновских мастеров-игрушечников, член Союза художников России.

¹⁵ Чижикина Людмила Николаевна (1925–2021) — советский и российский ученый, историк-этнограф, доктор исторических наук, профессор

¹⁶ Чистов Кирилл Васильевич (1919–2007) — советский и российский фольклорист и этнограф. Доктор исторических наук, профессор, член-корр. РАН.

областей РСФСР», и изучение будет охватывать две большие области — Смоленскую и Псковскую. Логика была такая: ты знаешь, что изучаешь именно вот этот народ, а если у него в культуре что-то не то, значит, он заимствовал. Конечно, уже тогда все прекрасно знали, что традиции могут меняться, ясно было даже с какой закономерностью. Но все оказалось сложнее. Приезжаешь в украинское село, а там совершенно русский порядок свадьбы, а потом приезжаешь в русское и смотришь: «Да тут не должно этого быть, а они делают!». И что это, заимствование? Или это просто идет саморазвитие? Именно поэтому мне хотелось писать у Кирилла Васильевича, у него были теоретические труды, касающиеся понимания сути традиции, ее изменений и проявления этих изменений в обрядах.

С.А.: У Павла Ивановича Кушнера¹⁷ была экспедиция в русско-украинское пограничье. Он как раз считал, что ни материальная культура, ни обычаи, ни даже язык не могут служить этническими определителями.

Т.Л.: Да, Кушнер так считал. Но призывал все-таки использовать обрядовые элементы. Когда я писала проспект для диссертации, одной из задач поставила себе понять, могут ли культурные показатели, особенности семейной обрядности свидетельствовать об этнической принадлежности. У меня тогда еще Александр Викторович Буганов¹⁸, когда я уже обсудила проспект, спрашивал об этом. Я пришла к выводу, что не могут свидетельствовать, но это понимание давалось с таким трудом, потому что все равно учишь все время, что изучаешь определенный народ и берешь уже известные ориентиры. Когда я стала ездить с Региной Антоновной Григорьевой¹⁹ на русско-белорусскую границу, то постепенно стало понятно, что на основании обрядовых элементов нельзя точно номинировать «русские» или «белорусы», лучше писать «культура русско-белорусской границы». Кажется, со Светой Крюковой спорили, потому что я никак не могла согласиться, что по разным культурным признакам нельзя четко определить этническую принадлежность. В реальности оказывается, что элементы «не складываются» однозначно, что, например, язык «тянет» к белорусскому, а по самосознанию население абсолютно русское, жители могут быть очень удивлены, если их назовут белорусами. Когда-то на «русской стороне» жители просто определяли себя как смолян, и до сих пор данная идентичность присутствует. Со временем стали определять себя как русские. На самом деле все, что касается этнической принадлежности, настолько неоднозначно, не прямолинейно, что ты должен опять какие-то новые термины применять. Переходная зона — она и есть переходная зона, строгих закономерностей она дать не может.

С.А.: Ваша тема, конечно, очень интересна с теоретической точки зрения. В.А. Тишков любит именно на примерах пограничья, которыми как раз вы занимаетесь, показывать подвижность идентичности. Как Вы к теориям и теоретикам в нашей науке относитесь?

¹⁷ Павел Иванович Кушнер (1889–1968) — советский этнограф. Доктор исторических наук, профессор. Впервые в мировой науке разработал принципы картографирования признаков материальной культуры в их историческом развитии.

¹⁸ Буганов Александр Викторович — д. и. н., зав. отделом русского народа ИЭА РАН.

¹⁹ Григорьева Регина Антоновна — к. и. н., ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований ИЭА РАН.

Т.Л.: Мы все время по кому-то должны были писать, то по Ю.В. Бромлею, потом по В.А. Тишкову. Что касается Бромлея, конечно, это было интересно. Но было чувство, что это тупиковая линия, «этнокосы» — что-то заумное и немного не то. Все равно это была теория, разработанная на материалах, интересная, но другое дело, что все должны были в соответствии с этой теорией работать. Везде были «этносы», и ты должен был на все смотреть с позиции существования этноса. Все темы под это подстраивались. Тишков считал примордиалистов ретроградами. Это ученый такого ранга, как С.А. Арутюнов, может себе позволить сказать: «этнос есть — и все». Когда вышел «Реквием по этносу», это было потрясением. Мы же изучаем этнографию, народы все-таки существуют. Какая разница, на основании чего человек себя определяет? Например, считает, что он русский, потому что вырос в русской среде. Почему это конструкция? Он же так считает. Когда в паспортах отменили национальную принадлежность, этим были очень недовольны малые народы, потому что их поставили на грань исчезновения.

Я помню прекрасно, как пришла наша Власова²⁰ после Ученого совета и говорит: «Все, этноса больше нет». Но, как говорится: «Сколько ни говори халва, во рту слаще не станет». И если люди все равно говорят, что я вот тот-то, как ты скажешь иначе? Это ведь у него действительно в голове, но ведь и все, что нас окружает, оно тоже у нас в голове. В студенческие годы на меня огромное впечатление произвела философская теория символов. Концепция символа: все, что вы видите, все — символы. Иногда задумываюсь: что мне только кажется, а что нет. Между прочим, сомнения такого рода очень часто встречаются в народных рассуждениях о смысле жизни, об окружающем мире. Такие сомнения в реальности присутствуют в народном менталитете. Но в отношении этнической принадлежности хочется чего-то определенного, если человек считает себя чеченцем, как вы ему докажете, что ему это только кажется? Правда, этнические теории Тишкова на самом деле не столь прямолинейны.

Теории Тишкова, касающиеся именно населения России, то есть внутренней «этничности», соотношения народов мне понятны, но насколько в действительности получился «российский народ»? Мы жили во времена «советского народа», знаете, чем это кончилось. Сейчас мы — российский народ, и неизвестно, чем это кончится. Если далеко смотреть, может быть, для страны и хорошо, что все будут называть себя русскими. Но хорошо ли это для русских?

У меня муж был белорус, мой сын наполовину, стало быть, белорус, но он все равно живет в Москве и считает себя русским. Он имеет основание на это. Когда человек чуваш, удмурт или мариец, а называет себя «русским», имеется в виду несколько другое. Когда он за границей говорит: «Я русский», это понятно, кто там будет интересоваться, кто он еще, кроме русского. Когда в России он так говорит, получается, что это понятие просто замещает термин «россиянин». Но ведь у каждого народа своя очень интересная культура. Понятие «русский» как определение этноса со своей культурой, которую он перенес с берегов Волги и до Охотского моря, будет размыто.

²⁰ Власова Ирина Владимировна (1935–2014) — советский и российский историк, этнограф, доктор исторических наук, профессор, специалист по этнографии русского народа.

С.А.: Накладывается двойной смысл — русские этнически и русские как граждане государства.

Т.Л.: Да. Получится, что чувашаи и мордва останутся, а русские — может и нет. Недаром современные русские философы осмыслиют данное явление как проблему.

С.А.: Что означает «не останется русских», если столько людей так себя определяют?

Т.А.: Они останутся. Но само сознание, что ты человек со своей культурой — это размывается. Читала последние статьи по этнической культуре одного исследователя из Питера, он пишет о чувстве родины и патриотизме через искусство, как воздействуют на эти чувства пейзажи. У него в статье получилось, что изображение церкви, которое ты можешь с детства видеть, воспитывает чувство родины. У меня полная уверенность в том, что сначала у тебя должна быть какая-то ассоциация с родиной, какие-то связанные с ней чувства, только потом ты эту картинку воспримешь уже как свою. Почему картины Левитана так трогают? Церквушечка, река течет... Человек в этом рос, это его на сто процентов. Мне в детстве показывали замки, очень интересно, но я понимаю, что это не моя культура. Как оно, это чувство родины, зарождается? Как воспитывать патриотизм — болезненный вопрос. Молодежь сейчас может поменять родину как одну квартиру на другую. Мои информанты-переселенцы — потомки украинцев в Воронеже, они же хохлы, говорят, что им даже плакать хочется, если слышат свою речь где-то далеко от дома. Речь вызывает ностальгические трепетные чувства. Это и есть ощущение своей культуры, своей страны. Я хочу, чтобы у русских это тоже сохранилось. У нас разнообразная культура и огромная страна. Мы должны выяснять, что все-таки для нас, русских, общее, мы все-таки русский сектор.

С.А.: Кстати, а был ли научный руководитель у вашей диссертации?

Т.Л.: У меня получилось так, что руководителем все-таки стал не Чистов, а М.Г. Рабинович²¹. Потом мы с Михаилом Григорьевичем поссорились, это, может, не имеет отношения к истории науки. Я так и не поняла, почему он так уперся по одному поводу. Я занималась тем, что тогда меня очень интересовало — духовной культурой, писала про семейные обряды, начиная с родильных как самых первых в жизни человека. Но сам обряд — это не так интересно, как то, что за ним стоит. Важно, как понимают становление человека, что такое душа, почему ее надо крестить? За этим стоит масса разных представлений, здесь христианство впитывает разные поверья — это тема одна из самых интересных для тех, кто занимается народной культурой. Как взаимодействуют каноническое христианство или любая другая религия, обычаи самой церкви и народная практика. Как они перекрещиваются, что в головах у людей остается, и где в этом комплексе представлений место этническому? То есть, почему русские берут что-то одно из христианского учения, а где-то тоже самое христианство преобразуется в другой тип культуры. Религия влияет на менталитет или народ выбирает религию, которая

²¹ Рабинович Михаил Григорьевич (1916–2000) — советский и российский историк, археолог и этнограф. Доктор исторических наук, профессор, первый руководитель Московской археологической экспедиции.

соответствует его установкам? Как религиозная ментальность складывается? Что люди принимают, а что остается маргинальным?

Хочешь не хочешь, но у нас при всем разнообразии суеверий и отголосках язычества, христианская культура. Я пришла к Михаилу Григорьевичу и сказала, что по канонам церкви крестный отец может жениться на своей крестнице, потому что с точки зрения канона он с ней в духовном родстве не состоит. Хотя даже церковь сама такие браки не одобряет и никак не популяризирует. В народе же возможность такого брака начисто отрицается и воспринимается почти как кровосмешение. Я анализировала историю, когда Мазепа хотел жениться на Марии, и Пушкин пишет об этом: «Он, должный быть отцом и другом невинной крестнице своей». Это трагедия, которая привела к сумасшествию Марии. Михаил Григорьевич сказал, что я все не так поняла, Мазепа просто был стар, и родители Марии не хотели неравного брака. Я же считаю, что это народное понимание духовного родства, на нормах и этике которого у нас на самом деле очень много чего строилось. По канону такой брак дозволен, но не в народной культуре, и на самом деле в вопросах духовного родства церковное право прислушивалось к народному. Народные традиции начисто отрицают такой брак. Михаил Григорьевич почему-то уперся и просил убрать это из текста. Я не стала и дальше писала так, как считала правильным. Но я так и не защитилась тогда. Годами позже защитила диссертацию по тем же семейным обрядам.

С.А.: Расскажите, как была организована научная жизнь в секторе восточных славян (впоследствии русского народа)?

Т.Л.: Как была организована научная жизнь в секторе? Человек заявлял тему, ему давали пять лет на работу, сначала шла разработка темы, человек делал проспект, потом писал статьи, спокойно работал. Тогда люди годами сидели в архивах. Я не вижу, чтобы кто-то у нас сейчас так работал. Власова сидела в архиве и изучала XVI–XVII вв., Александров²² так же работал. Это люди, которые работали на материале, причем их не дергали многочисленными отчетами. Мы заполняли какие-то план-карты, но могли работать спокойнее, в результате отдача была не сиюминутная, и книги выходили очень фундированные. Раньше было гораздо интереснее, не требовали огромного количества статей, все публикации проходили через сектор. Мы обсуждали каждую статью, даже тезисы на конференцию, и каждый прекрасно представлял, чем занимаются твои коллеги. Мы писали огромные труды, каждый раздел обсуждали на секторе. Так было принято. Теперь я только из отчета могу узнать, кто чем занимается. Не хватает внутреннего обмена и научных бесед тех лет.

С.А.: Почему они занимались XVI–XVII веками, такими древностями?

Т.Л.: Это все этнография, этническая история. Этническая история у нас тоже была в приоритете. Этническое заселение, освоение. Власова писала про освоение Русского Севера, она же буквально по деревням изучала ревизские сказки, как шло заселение, где новгородское влияние и т.д. Когда мы стали

²² Александров Вадим Александрович (1922–1994) — советский российский историк, этнолог, доктор исторических наук, профессор, специалист по истории и этнографии русского населения Сибири.

ездить в экспедиции в Вологду и Пермь, то изучение шло как продолжение темы «как русские расселились». Вот это этническая история, изучали, что привнесли новгородцы, что привнесла Вологда, Архангельск, как формировалась старообрядческая культура, как дальше русские двигались в Сибирь. Это шло под общей темой — этническая история.

Темы были в основном по материальной культуре и этнической истории. Хотя у нас была Софья Борисовна Рождественская²³, которая занималась русским народным искусством. Ее больше интересовали декоративные сюжеты, резьба по дереву, украшения домов. У нас тогда вышло много коллективных работ таких, как «Восточные славяне», позже с Александровым стали делать том «Русские». Это многострадальные «Русские», о которых сейчас бесконечно идут разговоры. Я бы не сказала, что кого-то заставляли выбирать тему. Но по духовной культуре тогда почти ничего не шло. Может быть, оттого что все сюжеты духовной культуры связаны с религией. Приходилось где-то ограничивать себя. То есть ты пишешь про свадьбу, но только самое основное, сами обрядовые действия и никаких расшифровок относительно того, что за этим стоит и почему делают так или иначе. Это пошло позже, когда Альберт Кашфуллович Байбурин свой «Ритуал»²⁴ выпустил. И то сначала сюжеты по культуре с символикой, семантикой больше были в Питере, а у нас как-то более жестко прежняя тематика держалась. Потом и у нас, конечно, в секторе это пошло. Сначала духовной культурой считались именно те направления, которыми занимались в Питере. Они атлас хотели сделать большой по духовной культуре, такой же, как по материальной, имея ввиду картографирование обрядовых элементов. Сейчас я бы не назвала это именно духовной культурой. Ничего из этого проекта не получилось, по-моему, составление такого атласа вообще нереально.

С.А.: Давайте поговорим о вашей работе в секторе и о коллективе сектора.

Т.Л.: Для меня сектор всегда был как второй дом. Это был всегда один из самых дружных секторов, один из самых доброжелательных.

С.А.: Когда Вы пришли, заведующим был Вадим Александрович Александров?

Т.Л.: Когда я пришла, заведовал сектором Кирилл Васильевич Чистов, он был в Ленинграде, а его заместителем здесь был Рабинович. А Вадим Александрович руководил тогда сибирской группой, то есть административной должности он не занимал. Наши руководители не всегда между собой все ладили. Нет, Кирилл Васильевич с Рабиновичем, конечно, в прекрасных отношениях были, а Вадим Александрович оставался немного в стороне. На нас это не оказывало влияния. Присутственными днями были вторник и среда, в среду всегда были увлекательные беседы. Все ходили строго по часам, соблюдали дисциплину. И Рабинович, и Кирилл Васильевич, когда приезжал к нам, очень интересно рассказывали и о своих, и об иностранных теориях.

²³ Рождественская Софья Борисовна (1923–2002) — советский ученый, этнограф, доктор исторических наук, специалист в области этнографии русского народа.

²⁴ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.

Вадим Александрович — человек огромной эрудиции, мог многое рассказать из истории России. Я приходила в отдел Кавказа, там Арутюнова любили слушать, он мог на любую тему очень интересно говорить. У нас было так же, а потом все вместе пили чай. Обстановка была очень хорошая. Мы вместе отмечали праздники. Новый год вместе встречали, не было жалко время тратить на украшение елочки, покупали всем подарочки маленькие. Софья Борисовна Рождественская писала рождественские стихи, подходящие под каждый подарочек. Все это было очень хорошо. Институт был совершенно другого плана. Это был научный институт с очень сильным творческим потенциалом, проходили капустники, маскарады, мы наряжались в костюмы, такое веселье стояло! Это почему-то вот ушло, и представьте — сейчас кому-то предложить устроить маскарад... Никто не стеснялся, причем это вовсе не молодежь делала, а люди среднего и даже старшего возраста придумывали оригинальные костюмы. Помню, был юбилей «Советской этнографии», и Моногарова²⁵ сделала коротенькую юбочку из страниц «Советской этнографии». Ей даже первый приз дали. Танцы гремели всюду. Имело значение то, что все мы бывали в экспедициях, и отношения были очень теплыми, называли на «ты» даже тех, кто на 20–30 лет был старше. Все были в одном коридоре и друг друга знали, как-то больше и спокойнее общались. Такое впечатление, что сейчас дело не в том, что времени жалко, а люди стесняются как-то проявлять себя в развлечениях.

Как только приходила весна, возле института стояла наша экспедиционная машина с глобусом, и сразу настроение такое становилось, что вот-вот ты поедешь в экспедицию. Приходишь, начинаешь спрашивать о сотрудниках и оказывается, кто-то только вернулся, а кто-то уже уехал. Как-то люди понимали друг друга. Мы передавали машины друг другу, знали, с каким шофером лучше поехать. Было ощущение общности в институте. Сейчас у нас многие друг друга не знают. А раз так, то и как вести себя раскованно?

С.А.: А что изменилось в перестройку и потом?

Т.Л.: С конца 1970-х и в 1980-е гг. мы стали ездить в Пермь, изучали там старообрядцев, хотелось уже заниматься духовной культурой. Мы приезжали и изучали культуру современных людей, а в издательстве было велено писать «бывшие староверы». Какие же они «бывшие»? Нельзя было писать ни о чем, что касалось православия (если только в критическом варианте). Такое было время.

С местной жительницей.

Ярославская обл., 1968 г.

// Из личной коллекции Т.А. Листовой

²⁵ Моногарова Лидия Федоровна (1921–2011) — этнограф, специалист по народам Средней Азии. Работала заместителем главного редактора журнала «Советская этнография».

Я еще думаю о том, что за свою жизнь столько душу мотала у людей. У меня в экспедиции в Смоленской области одна бабушка была, буквально уже полуживая, вот она мне прямо в память врезалась. Она мне все говорила: «Слушай, иди ради Бога, я уже не могу больше». А мне элементы обряда именно ее местности надо было узнать, вот хоть сдохни, а она одна была такая знающая. И главное, когда я у нее сидела, мне сказали еще, что бабушка совсем плоха, но сказала, что должен приехать сын ее, и она его дождется. Я уехала, а потом свадьба в этом селе должна была быть, на которой я хотела попридти. Где-то через неделю я вернулась на эту свадьбу. Узнала, что приехал сын, и на следующий день бабушка эта умерла. Я ее, беднягу, терзала, но что делать? Для меня всегда была проблема, а особенно стала ощущаться с возрастом: имею ли я право, например, в любых случаях на тему похорон спрашивать. Ведь сколько раз сталкиваешься с тем, что для человека это большая тема, кто-то у него умер, а ты должен расспросить все в подробностях. И видишь, что лучше не надо, лучше уйти, сейчас я так и сделаю, а раньше я, может быть, все равно бы все его познания вытрясла. Но сейчас, в конце концов, меня больше уже не элементы интересуют, а что за ними стоит, так что я могу ведь и еще кого-то поспрашивать, каждый человек интересен.

И вот еще один момент для меня оказался просто ужасным. Мне было девятнадцать лет, когда меня в первую экспедицию на Кавказ взяли. И здесь я осознала ситуацию: я два дня общаюсь с человеком, он мне уже столько о себе рассказал, но завтра я уеду и никогда больше его не увижу. Вот это оказалось тяжело. Мне потом наши опытные дамы из сектора Кавказа говорят: «Ну, привыкай, потому что ты всю жизнь будешь вот так приезжать, перед тобой будут открывать душу, расскажут все семейные тайны, даже то, что нам иногда совсем не надо. Но все равно человеку же хочется рассказать что-то, а ты уедешь — и все. Он для тебя останется просто информатором». Вот это, конечно, тяжело. К тому же еще столько тяжелых историй за время экспедиций от своих собеседников услышишь. Вечерами особенно. Я всегда, даже когда еще в Художественном фонде работала, в поездках у кого-то ночевала. И вечерами столько историй страшных и странных слышишь: и про ребенка, которого чуть не заживо похоронили, и как свинья его откопала, и о том, кто кого испортил и какими путями, это все настолько живучее было, все существовало, особенно в рассказах. До сих пор жалею: мне бабушка одна объясняла, почему Ленин — это число 666. Я не поняла и просила показать. И она мне нарисовала. Как-то она эти 666 так написала, что действительно получился Ленин. И вот я прекрасно помнила, как она это сделала, а когда пришла, стала у себя в тетрадке рисовать, у меня не получилось.

Поскольку мы занимались староверами, то хочешь не хочешь, ты углубляешься в их учение. Я писала про крестильную обрядность. Работаешь с совершенно мистическими категориями — и начинаешь в это погружаться. У меня вся родня так или иначе соотносилась с православием, с церковью, но меня никто не просвещал в религиозном плане. Бабушка боялась, это ведь преследовалось. Они — не столько родители, сколько бабушки — жили, конечно, всегда в большом страхе.

**Борьба за чистоту в полевых условиях.
Томская обл., 1980 г.**

У нас в секторе православные темы связаны, в основном, с Мариной Михайловной Громыко²⁶. Она перевелась к нам из Новосибирска, это была очень пассионарная ученая дама. Занималась в основном народными традициями, этикой, нормами поведения. И как-то православие у нас пошло само собой, время пришло. К ней приходили аспиранты, мы начитывали большое количество книг, потому что надо было, в конце концов, разобраться, иначе как идти и опрашивать людей и, тем более, священников? Я иногда понимаю, что знаю больше, чем приходской священник, потому что начиталась. Но он трактует учение людям, от него они постигают христианство, и мне важно уметь говорить с ним. В секторе молились на Пасху обязательно, могли просто «Христос воскрес» пропеть. Доходило до смешного: сидим в комнате с Власовой, а она — абсолютная атеистка, и вдруг крик Марины Михайловны: «Ира-а, что Вы!». Оказывается, Власова начала есть в пост бутерброд с колбасой! Это было ужасом для Марины Михайловны. Где-то мы слушали ее, кто-то реагировал со смешком, все ведь были люди взрослые и наставлений не любили. Но Громыко искренне считала, что спасает наши души. Как говорят, неофиты становятся гораздо более жесткими, чем самые обычные верующие. Моя бабушка была верующей, и все родственники с маминой стороны тоже, но это никак не сказывалось ни на мне, ни на укладе в доме. Марина Михайловна очень твердо стояла на концепции абсолютного православия у русских, это отражалось и на ее позиции в отношении наших исследований. По любой теме можно набрать разный материал и по-разному его интерпретировать, в результате все варианты могут быть правильными. Кто-то напишет о русском язычестве, кто-то о православии, и это все будет справедливо. Марина Михайловна была догматично настроена. Однажды сидели, пили чай и вспоминали кого-то из ушедших сотрудников, сожалели, что умерла такая прекрас-

²⁶ Громыко Марина Михайловна (1927–2020) — историк, этнограф. В 1959–1977 гг. работала в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. В 1977–2004 гг. — старший, затем главный научный сотрудник ИЭА РАН.

ная женщина, как вдруг Марина Михайловна говорит: «Нет, плакать нужно, когда человек рождается, а когда умирает — радоваться». Потом, правда, она уже не высказывалась столь категорично. Я знаю, что в институте Марина Михайловна на защитах часто выступала с замечаниями, если в диссертациях не отмечали значение православия.

Был случай, когда Олег Викторович Кириченко²⁷, несмотря на свою православную направленность, в издательстве за меня даже вступился. У нас была книга, в которой я писала о представлениях о душе, связанных с деторождением, и приводила там разные народные представления о порядке ее обретения. Общая русская концепция — Бог должен прислать душу ребенку, поместив ее через тело матери. Есть народное представление, что мать должна соблюдать физическую чистоту, иначе душа попадет не через рот, а, извините, другое место, и тогда ребенок родится с грязной душой. Кажется, абсурдно, но это одно из народных представлений о душе. Для народной культуры момент получения души, как и все, что с ней связано, был очень важен. Мы публиковались в том же издательстве «Наука», которое раньше велело нам писать «бывшие старoverьы». Редактор издательства заявила мне, что подобные примеры — это оскорбление религиозных чувств русских, и она такое безобразие не пропустит. Она даже советовалась со своим духовником, который запретил данный пример публиковать. Я возмутилась: какое отношение к светской организации имеет духовник? Мы же не религиозные труды пишем. Олег был редактором и все уладил.

А потом у нас пошла тема по Русскому Северу, мы начали ездить с И.В. Власовой в Вологодскую область, очень серьезные были экспедиции. Несколько лет мы собирали и полевой, и архивный материал, в результате чего выпустили большой труд по Русскому Северу. У меня там главы по детям — рождение, воспитание, социализация — и по общественно-религиозной жизни. К моему большому удивлению, меня потом раскритиковала Т.А. Бернштам²⁸ за пристрастие к суевериям, то есть искажение народного православия. Это при том, что она всю жизнь писала, не руководствуясь православными идеями, только в конце жизни стала, видно, как и наша Марина Михайловна, такой же бескомпромиссно православной. Более того, она умудрилась даже где-то Марину Михайловну покритиковать за то, что она мало православная.

Но Марина Михайловна, как человек очень умный, конечно, не только давала хорошие советы, она своими указаниями заставляла задумываться. Я считаю, что мы настолько материалистически все воспринимаем, что не можем за определенные пределы выйти. Я писала о крестильной обрядности в Пермской области. Пожилая женщина рассказывала, как ее повели крестить, когда она заболела. Она была из поморов, они вообще при рождении не крестят. Ее повели осенью в реку Курью²⁹, там ледяная вода. И она рассказывала: «Я вошла, вода была теплая, вот я, говорит, иду, и вода теплая». Я написала, что моей собеседнице показалась, что вода теплая. Марина Михайловна мне

²⁷ Кириченко Олег Викторович — д. и. н., главный научный сотрудник Отдела русского народа ИЭА РАН.

²⁸ Бернштам Татьяна Александровна (1935–2008) — этнограф, фольклорист, специалист по культуре Русского Севера и народному православию. В 1992 г. стала заведующей Отдела этнографии восточных славян Ленинградского отделения Института этнографии РАН, затем главным научным сотрудником.

²⁹ Курья — в поморском диалекте залив, глубоко вдающийся в берег озера или реки.

говорит: «А почему вы пишете «ей показалось», вот почему вы, во-первых, не считаете, что вода могла действительно ощущаться теплой, и второе — не допускаете мысли, что вода действительно стала теплой?»

На берегах Оби.
Томская обл., 1980 г.
// Из личной коллекции
Т.А. Лисовой

У старообрядцев странников. Отряд И.В. Власовой. Справа налево: Лисова Татьяна Александровна, Кремлева Ирина Андреевна, Макашина Татьяна Сергеевна, Тумбасов Анатолий Николаевич (художник), Черепов Игорь (архитектор), Власова Ирина Владимировна, Чагин Георгий Николаевич — этнолог из Перми. д. Дий Чердынского р-на Пермской обл. 1983 г.
// Из личной коллекции Т.А. Лисовой

С.А.: Действительно интересно, как этнографу это описывать. И что вы написали? Показалось, была, или почувствовала?

Т.Л.: По-моему, какой-то средний вариант. Конечно, я не писала о том, что вода, может быть, действительно стала теплой, потому что это уже выходит за рамки науки. Мне бы даже редакция могла указать на это. Но вы, наверное, слышали, сколько у всех этнографов ходит рассказов о всяких чудесах, о которых им рассказывают, в которые нельзя не верить. Потому что говорят люди совершенно разумные, совершенно, как вам сказать, со здравым умом, даже не скажешь, что фанатики какие-то религиозные. Мы в Рязани работали, сколько мы там с С.А. Иниковой³⁰ слышали про старичка Николая, который приходит на помощь: где-то машину провожает, где-то кого-то спасает по дороге. Люди говорят: «Вот он ко мне пришел, этот старичок, и вот он мне там что-то помог, или вывел откуда-то, или кошелек помог найти» или еще что-то такое. И этот образ доброго дедушки очень характерен для рязанской религиозности. Но вот представьте: с вами сидят обычные люди, вот как мы с вами разговариваем, и рассказывают об эпизодах из своей жизни, не считая их чем-то сверхъестественным. И как тогда не верить в это?

С.А.: А вы как-то разделяли современность и традиционную культуру? Вот вы приезжаете в поле, идет там какой-то 1979 год, вы записывали только традиционное исключительно или то, что вообще бытует?

Т.Л.: Я вообще так не ставлю вопрос. Я могу начать с вопросов: что вы делаете сейчас, как вы такой-то праздник организуете? А ваши бабушки, мамы, сколько вы помните, они делали вот так же? Потом, я, конечно, должна знать какой-то материал дореволюционный. Вот тогда я могу уже смотреть, что что-то можно отнести к традиции. Потому что то, что началось с советского времени... Я недавно статью писала по домам культуры и народной традиции, как они взаимодействуют. У домов культуры в советское время была такая установка: с одной стороны — поддерживать народную культуру (ну, естественно, только не правослаvie), а с другой стороны — чтобы все время шло обновление. Для народной культуры, любой, по-моему, очень характерна повторяемость, то есть человек воспитывается на определенном стереотипе культуры, он уже знает, в какой момент, например, невеста заплачет, в какой момент кто-то заголосит, в какой еще что-то будут делать. И человек хорошо знает и содержание, и ход праздника, он охотно, как и все, участвует в действии, потому что каждый знает свои роли. А когда это перешло домам культуры, они сказали, точнее, инстанции свыше сказали, что надо что-то новое. А дома культуры и сейчас говорят: «Вот мы в этом году так сделаем, а в следующем году так, а иначе народ нас не поймет, все хотят нового».

И разрушение культуры после революции еще и в том, что за людей обычных стали все делать работники культуры. Они организовывали и указывали: Масленицу нужно делать вот так, Русскую березку ты делай вот так, и при этом ты чего-то еще обязательно новое внеси, иначе народу не интересно. И народ превратился в чистых зрителей. Да, кого-то они привлекают к действию, кто-то будет смешить и скакать, но это в основном, так сказать, люди подготовленные. А остальные все будут зрители.

С.А.: Расскажите, пожалуйста, про ваши исследования группы т.н. «хохлов» в Воронежской и Курской областях.

³⁰ Иникова Светлана Александровна — к. и. н., ведущий научный сотрудник ИЭА РАН.

Т.Л.: Я сейчас еду в те же районы, в которых в 1970-е гг. работала в отряде Л.Н. Чижиковой. Интересным оказалось то, что в те годы жители этих мест могли еще называть себя украинцами, теперь они называют себя в большинстве русскими. Насколько действительно изменилось их самосознание — вот что интересно понять. Сейчас многие проводят социологические опросы, ориентированные на выяснение этнической идентичности. Результаты этих исследований дают, на мой взгляд, ценный материал, но не могут полностью отразить ситуацию. Иногда в результатах все кажется очень простым: вот на столько процентов я — русский, вот на столько — украинец. Для меня это ничего не говорит! В районах этнически смешанных все сложнее. Спросите человека, кем он себя чувствует, и он скажет сегодня так, а завтра подумает и может решить иначе. Он сам может не понимать, кем же больше себя чувствует! Это специфика переходных зон.

Население западных окраин Воронежской и Курской областей — это потомки украинцев, которые начали переселяться сюда с XVII в. и уже более трех веков живут в России. В 1990-х годах мы были в Воронежской области со Славой Кузнецовым³¹, тогда нам встречалось много местных жителей, ностальгировавших по родине, на которой никогда не были. Многие говорили, как им в детстве и юности хотелось на Украину, представляли цветущие сады, красочные пейзажи. Некоторые ездили туда с чувством, что поехали домой. А были те, кто родиной считали только то место, где живут сейчас и где жили многие поколения предков. Для нас было интересно это возникающее чувство ностальгии по виртуальной родине. Сейчас не знают, как воспитать чувство патриотизма. Но вот в 1990-х гг. примеры людей, которые всю жизнь обитают даже на другой, не украинской, территории, воспитываются в обычной советской, то есть русскоязычной, школе, больше говорят на русском, чем на украинском, но вдруг такое притяжение к родине предков ощущают. Интересно, на чем это чувство основано и каково самоощущение потомков украинцев — хохлов по их самоназванию — сейчас. Судя по преобладающим комментариям населения, они в настоящее время ощущают себя русскими, а Украина — это уже не их страна. Есть, конечно, лица, которые настроены проукраински. Причем, они считают, что я оскорбляю местное население, называя их «хохлы». Я пыталась объяснить им, что еще в XIX в. патриот Украины историк Н.И. Костомаров употреблял этот термин и не видел в нем оскорбительного смысла. Доходило до того, что со мной отказывались разговаривать, если я употребляю такой термин. Но это редко, поскольку на самом деле местное население уважает свою, «хохлячью» культуру и отличает себя от современной Украины.

Сейчас в этих районах стреляют, и не поедешь в экспедицию. Я хотела осенью поехать, еле-еле пропуск достала, но боюсь, что им сейчас не до меня и моих вопросов, у них, вернее, у лиц на государственной службе, и так чувствовалась в разговорах некоторая настороженность. После 2014 г. люди часто стали говорить: «Мы русские и все, разговор закрыт». Дальше по какому-то контексту понимаешь, что для них украинское, особенно украинизированный язык, очень близко, но при этом они уже чувствуют себя гражданами другой страны с другими ценностями. Когда я написала первую статью с этнически-

³¹ Кузнецов Станислав Викторович (1954–2006) — этнограф, сотрудник Отдела русского народа ИЭА РАН.

ми определениями и назвала ее «Воронежские украинцы — русские хохлы» через тире, мне у нас в Институте некоторые говорили: «Как ты можешь, это настолько нехорошо, ты оскорбляешь, как ты можешь слово хохлы употребить?!». Но они себя так называют, не хотят никаких других определений. Сергей Викторович Чешко³² (тогда главный редактор журнала «Вестник антропологии») сказал совершенно спокойно: «Мы работали в Средней Азии, они там тоже все хохлы, поэтому для меня это название спокойно проходит».

Я писала статью в г. Сумы, они когда-то просили, чтобы им статьи присылали. Я написала, причем очень осторожно, про украинские элементы, которые сохраняются в культуре современных хохлов. Конечно, слово «хохлы» употребила. Мне тут же написали, что ни в коем случае так нельзя писать, это их оскорбляет. Я переделала статью, термин «хохлы» убрала, где-то написав «бывшие украинцы», «потомки украинцев», еще как-то, а «москалей» оставила, на «москалей» мы никогда не обижаемся. Но пока они там эту статью собирались печатать, начались известные события, и все разорвалось. У меня четкое убеждение, что в западных районах России сложился огромный массив потомков украинцев, показывающих себя в переписи русскими и номинирующих себя так же, который представляет собой особую этнокультурную общность. Они и чувствуют себя отдельным массивом со своей культурой. И как их называть? Слово «хохлы» мы употреблять не имеем права. А как тогда сказать? Я хочу написать об их культурных особенностях, самосознании, потому что это очень интересно. Они говорят о том, как важен для них украинский, точнее — местный украинизированный язык, как хочется поговорить на нем, когда оказываются далеко от своих мест. Причем они имеют в виду не литературный украинский, естественно. Они телевидение украинское почти не понимают даже, потому что это уже другой язык. Так что есть такая общность и как мне ее назвать? Если даже сам термин «хохлы» нельзя, а как по-другому? Эти этнические проблемы Чижикова как-то деликатно обходила. Украинцев тогда так и называли, даже если они иначе числились по переписи. Я смотрела похозяйственные книги: все знали этих людей как украинцев, и они себя украинцами определяли, но писались они уже русскими, без всякого нажима совершенно. Чижикова называла их все равно украинцами и рассматривала параллели в жилище, одежде, очень много писала об этом. Изучала также взаимовлияние и культурные связи.

Интересно, что у них сохраняются многие особенности этнической культуры, правда, больше в селе, в городе чувствуется меньше. Когда я была там в 2019 г., в пгт. Подгоренское была большая ярмарка, сколько-то лет сахарной фабрике, еще при царе построенной. И там были устроены подворья всех сельских хозяйств. Но что бросалось в глаза. Вот подойдешь, сидят женщины в стилизованных русских костюмах — в сарафанах. Я спрашиваю: «Ну почему в сарафанах? У вас же свой костюм все-таки был?». У них от аутентичного костюма, конечно, очень мало сохранилось. Еще Чижикова писала о том, что у украинцев очень малая сохранность народного костюма, но все равно они знают, какой он у них приблизительно был. Как выяснилось, моим собеседницам все равно, какой костюм, вот такой дом культуры сшил — и ради Бога. Причем такая же ситуация характерна и для других фольклорных хоров.

³² Чешко Сергей Викторович (1954–2019) — советский российский историк, этнолог. Доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИЭА РАН.

Подобная толерантность в отношении костюма показывает, что у потомков украинцев чувство своей отличности от русских не играет большой роли. То есть они могут на какие-то выступления цветную юбку по типу украинской себе сделать, могут даже веночек надеть. Потом я уже думала: если я спрошу, предположим, у учредителей, выбор костюма — это что-то целенаправленное, чтобы не было сильной украинской линии или просто каждый дом культуры делает так, как может, какие есть возможности? Или самим участницам мероприятий так нравится? Но ведь мне же никто точно не скажет.

С.А.: Вам бы сейчас книгу о них написать, о хохлах.

Т.Л.: А вот как я слово это буду употреблять?

С.А.: Ну если это их самоназвание.

Т.Л.: Самоназвание, но даже у нас говорят, что нельзя, потому что теперь это наименование в просторечье идет как насмешливое. Если вы посмотрите этот термин в словаре в Интернете, то увидите: там написано, что это уничижительное слово, а я его буду употреблять? И кто-то на меня может обидеться.

С.А.: А какие еще темы для вас сейчас актуальны?

Т.Л.: Я занималась тем, что тогда меня очень интересовало: духовной культурой, писала про семейные обряды, начиная с родильных как самых первых в жизни человека. Но сам обряд — это не так интересно, как то, что за ним стоит, суть каждого элемента. Важно, как понимают становление человека, что такое душа, почему ее надо крестить? За этим стоит масса разных представлений, и где тут христианство все определяет, а где народ домисливает — вот одна из самых интересных тем для тех, кто занимается народной культурой. Я уже говорила, важно понять: как взаимодействуют каноническое христианство, обычаи самой церкви и народная практика. Как они перекрещиваются, что в головах у людей остается, и где в религиозном менталитете место этническому? То есть почему русские берут что-то одно из этого учения, а где-то то же самое христианство преобразуется по-иному. Религия влияет на менталитет или народ выбирает религию, которая соответствует его установкам? Как это складывается? Что люди принимают, а что остается маргинальным?

Духовная антропология почему-то у нас совсем не развита. В.Н. Шинкарев писал о душе, но на азиатском материале. Интересно понять, как христианство ставит задачу объяснить человеку, кто он. Как душу принимают, как ее крестят, почему человек так боится душу свою испортить, как ее провожают при похоронах. Вся жизнь завязана на этом, а мы берем сейчас только понятие антропологии в социальном плане, а раньше и просто в физическом плане понимали. Ввели курс «Основы православной культуры» в школе (по выбору родителей), но могут ли преподаватели рассказывать школьникам, кто такой человек с христианской точки зрения? Школьник должен знать, что он не просто социальное и биологическое существо, но есть и другой взгляд. Как можно преподавать «Основы православной культуры», но о Христе не говорить, о том, что человек — это существо разумное, поскольку разумна его душа, тоже не говорить, ни о чем нельзя говорить. Эта тема для меня — одна

из самых интересных, то есть рассмотрение того, как каждый народ толкует понятие «человек».

Вся культура, и материальная, и духовная, концентрируется вокруг понятия «человек». Человек создает себе какие-то условия для жизни, правильно? Уже сколько написано, как он организует жилище, что созданная им одежда несет миллион символов, но все ведь идет из головы. Начать с этноса, который в голове у человека, но ведь и все остальные представления об окружающем мире — тоже в голове. И вот с чем еще я столкнулась, когда стала писать про душу. Мы всегда считаем, что душа — это что-то такое духовно-эффемерное, но церковь как раз считает, что душа разумна. Именно душа, не голова просто сама по себе, но душа разумна. Совсем необязательно уговаривать человека поверить во что-то. Но надо дать ему знание того, что было в культуре предков, и более того, довести до сознания, что представления о человеке как особом существе присутствуют в любой культуре. Я, между прочим, уверена, что с возрастом человек сам начинает все-таки задумываться: «А кто я?»

Сейчас есть большой разброс тем, очень много интересного. Но иногда такое впечатление создается, что очень сильно проявление релятивизма, звучат призывы отказаться от устоявшихся понятий, переосмыслить понятия «религия», «культура» и т. д. А что предложить взамен? Ну хорошо, ты отказался, а дальше что? Я в своей работе и в трудах своих коллег, с которыми работаю всю жизнь, ценю очень добросовестное отношение к материалу. Ты можешь потом трактовать его, как хочешь, но ты должен его собрать, должен понять, как тот или иной элемент или явление работают в культурной системе, потому что никто не живет вне какой-то системы. Я собирала этнические особенности, но сколько есть еще всего нам неизвестного! Нужен материал, чтобы понять, как формировалась и что представляет собой русская цивилизация, иначе это одни пустые разговоры — есть этнос или нет.

Расшифровка текста — Д.А. Москвина, М.Э. Сысоева

Interview

Alymov S. S., Listova T. A. It is important to understand personality not from materialistic perspective [Poprobovat' poniat' cheloveka ne s materialisticheskoi tochki zreniia mne kazhetsia vazhnym] *Anthropologies*, 2023, no 1, pp. 211-233, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-1/211-233>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Listova Tatiana Aleksandrovna | senior researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS | listova.ta@mail.ru | <http://orcid.org/0000-0002-2189-933X>

Alymov Sergei Sergeevich | senior researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS | alymovs@mail.ru | <https://orcid.org/0000-0001-9988-9556>

Abstract

S.S. Alymov's interview with ethnographer T.A. Listova discusses both the biography of the researcher and her views on the ethnography of Russians and the development of this field in the 1970s-2020s. In the first part, Listova talks about her family, childhood and education. Further, she dwells on her study of family rituals, the work of the sector of the Eastern Slavs / Russian people, the researches of the sector and its key specialists. The final part is devoted to the study of the population of the Russian-Ukrainian borderland, their ethnic identity, as well as the tasks of studying the concept of person in the ethnic culture of Russians.

Keywords: history of ethnography, ethnography of Russians, ethnic identity, Russian-Ukrainian borderlands, spiritual culture of Russians

